

В. В. Мавродин, Ю. Г. Ефимов

Самюэль Кольт в Санкт-Петербурге

Памяти Леонида Ильича Тарасюка

Первым, кто предпринял попытку исследовать историю подарков полковника Самюэля Калдвелля Кольта Николаю I и Александру II, находящихся в Государственном Эрмитаже, был старший научный сотрудник музея, хранитель западно-европейского, русского и американского оружия Леонид Ильич Тарасюк. Его работы в этом направлении приходится примерно на 1969–1971 гг. Отъезд его в 1972 г. из нашей страны не позволил опубликовать в полной мере эти материалы¹. Однако результатами он часто устно делился со мной, В. Мавродиным, создавая удивительно интригующую картину, тем более что в это время мне довелось работать вместе с Леонидом Ильичом в Арсенале Государственного Эрмитажа. Все черновики записей он увез с собой.

Уже после ухода из Эрмитажа в 1977 г. я предпринял попытку продолжить эту работу, расширить ее и найти следы реакции русских оружейников на появление револьверов Кольта, а возможно и производства револьверов американского оружейника в России.

Опубликованные в США материалы, авторство которых можно гипотетически приписать Тарасюку, а также мои собственные изыскания и составляют основу этой статьи.

Чем объяснить такую осторожность – «гипотетически»?

Каталог экспозиции в музее Метрополитен, где были выставлены подарки Кольта из коллекции Государственного Эрмитажа в 1979 г., анонимен². Однако глубина изучения материала, а также стиль изложения, с характерными оборотами, позволяют со значительной долей уверенности приписать авторство каталога именно Тарасюку. Такого же мнения придерживается и старший научный сотрудник Арсенала Государственного Эрмитажа Ю. Г. Ефимов, который тоже был лично знаком с Тарасюком в конце 1960 – начале 1970-х гг. Если наши предположения об авторстве Тарасюка верны, то ответа на вопрос, почему он не подписался как

автор каталога, пока нет. Спросить же самого Л. И. Тарасюка не представляется возможным, поскольку он и его жена погибли в самом начале 1990-х гг. в автомобильной катастрофе во Франции.

Перевод на русский язык каталога Тарасюка, на который мы ссылаемся в нашей статье, сделан Ю. Г. Ефимовым, с некоторыми редакционными правками В. В. Мавродина.

Результаты исследований Тарасюка тем более актуальны, что в инвентарных и регистрационных документах Государственного Эрмитажа, созданных в советское время, не указывается происхождение этих револьверов и винтовок и их владельцы, поэтому на долгое время подобная информация практически была утрачена.

Однако, в работе Р. Сутерленда и Р. Уильсона «Книга огнестрельного оружия Кольта» (Sutherland, R., Wilson, R. The Book of Colt Firearms. Kansas City, 1971. P. 570-571) даны фотографии подарков Кольта и небольшая аннотация к ним – буквально половина страницы. Хотя среди тех, кого авторы книги благодарят за помощь, есть фамилия Л. И. Тарасюка, сама статья тоже анонимна, а в конце ее подпись: «The State Hermitage Museum. Leningrad. USSR» (Государственный Эрмитаж. Ленинград. СССР). В данном случае авторство Тарасюка несомненно, т. к. в это время именно он был хранителем огнестрельного оружия в Эрмитаже. К сожалению, эта книга известна только узкому кругу специалистов, а серьезных исследований, посвященных Самюэлю Кольту, в нашей стране не опубликовано. Несколько статей, появившихся в последнее время в журналах, в основном носят либо поверхностный, либо тенденциозный характер.

Среди оружейников-конструкторов, организаторов и владельцев производства оружия – Самюэль Калдвелль Кольт занимает особое место. Кольт и его сотрудники создали одну из оружейных легенд XIX в.: несколько капсюльных (унитарного патрона в современном понимании этого слова тогда еще не было) моделей ре-

Самюэль Кольт в Санкт-Петербурге

вольверов и револьверных винтовок появились в конце 1830 – начале 1850-х гг.

Револьверы Колта стали популярны в России уже в начале 50-х гг. XIX в. Военные же круги познакомились с ними на десятилетие раньше, когда группа русских морских офицеров посетила фабрику Колта в г. Патерсоне (штат Нью-Джерси).

Не позднее конца 1853 – начала 1854 г. в России начали делать точные копии разных моделей револьверов Колта или их импровизации, за основу которых обычно бралась флотская поясная (удобная для ношения в кобуре, на пояском ремне) или драгунская седельная, тяжелая, мощная модель. Первоначально они предназначались для продажи, а чуть позже делались в небольшом количестве и по казенным заказам для офицеров русской армии и конвойных команд³.

Несмотря на то, что револьверы Колта как американского, так и российского производства широко использовались вплоть до 70-х гг. XIX в., лишь небольшое количество этих образцов пережило войны и социальные изменения в нашей стране и сейчас занимает достойное место в коллекциях музеев.

Исходя из вышесказанного, уникальная группа из нескольких предметов оружия производства фабрики Самюэля Колта, находящаяся в Государственном Эрмитаже, – не что иное, как феномен. Дело в том, что все это оружие было привезено им самим в Санкт-Петербург. Кольт преподносил оружие, сделанное на его фабрике, разным главам государств, военным и политическим деятелям, но подарки, хранящиеся в коллекции Эрмитажа, являются самой многочисленной презентативной группой среди его подношений в коллекциях мира.

Первый визит Самюэля Колта с секретарем Эдвардом Диккерсоном в Санкт-Петербург состоялся осенью 1854 г. Приезду уже знаменитого к этому времени Колта император Николай I придал особое значение.

Вопреки расхожему мнению, рожденному не в последнюю очередь ходом Крымской войны (1853–1856 гг.), по которому император представлялся реакционером, что и явилось причиной отставания русской армии в области стрелкового оружия, в результате чего наши войска не-

сли большие потери в Крыму от огня стрелкового оружия противника, следует заметить как раз обратное. Император Николай I, основатель уникальной коллекции Эрмитажа, хорошо разбирался в оружии. Более того, сам пытался его конструировать и делал это профессионально. Оружейники его эпохи знали, что император может по достоинству оценить практические свойства оружия, дать квалифицированный совет.

Так, например, он усовершенствовал пулю французского капитана Клода Эттьена Минье и представил ее на рассмотрение в постоянно действующую комиссию, специально занимавшуюся перевооружением русской армии и флота. Комиссия рассмотрела конструкцию пули императора в установленном для всех порядке, нашла ее интересной, оригинальной, перспективной, но предложила Николаю I доработать конструкцию, а затем вновь представить на обсуждение комиссии.

Заметим, что император сделал попытку усовершенствовать именно пулю Минье, которая затем применялась в большинстве европейских стран, в т. ч. и у нас в течение более двух десятков лет. Поэтому вполне естественно, что Николай I уделил большое внимание приезду Колта.

О значении визита Колта в Санкт-Петербург свидетельствует и камер-фурьерский журнал, который ежедневно фиксировал деятельность императора. В журнале отмечено, что 30 октября (11 ноября) 1854 г. император срочно выехал из Гатчины на поезде в Санкт-Петербург и проследовал затем в Зимний дворец, где в 10 ч. 50 м. в Нижнем кабинете встретился с американским полковником С. Колтом и его секретарем Э. Диккерсоном. Беседа Николая I с Колтом продолжалась 1 ч. 15 м., после чего император сразу вернулся в Гатчину⁴.

Слава Самюэля Колта уже давно шла впереди него, и о его визите Николаю I было известно заранее из подробного доклада Военного министерства. После ознакомления с докладом Николай I пожелал лично встретиться с Колтом. Император ждал его, и фактически поездка из Гатчины в столицу была совершена только ради встречи с американским оружейником. Результатом этой встречи могли быть далеко идущие последствия как для русской армии, так и

для Кольта. Предпринимая такой далекий вояж, Кольт – владелец и организатор производства – преследовал и свои коммерческие интересы и с этой целью приготовил подарки Николаю I – три серийные (драгунская, флотская и карманная) модели⁵. Активность Кольта как предпринимателя в Западной Европе и США была очевидна, поэтому встреча Николая I и Кольта в данной ситуации вполне объяснима.

Ситуация была интересна еще и тем, что Кольт приехал в Санкт-Петербург из Англии, где было уже налажено производство его оружия, а английские войска в это время вели боевые действия в Крыму. Русская армия во время Крымской войны остро нуждалась в эффективном нарезном оружии. Оружие Кольта, не только револьверы, но и револьверные винтовки, могло повысить меткость огня русской пехоты и резко увеличить его скорострельность.

Что же конкретно обсуждалось на переговорах Николая I и Кольта в Зимнем дворце осенью 1854 г.?

Грандиозный успех оружия Кольта, которое завоевало многие оружейные рынки, заключался в том, что на его фабрике в Хартворде (штат Коннектикут) удалось добиться **взаимозаменяемости** частей при машинном производстве. Иными словами, собранное из разных серийных номеров, по одной модели, оружие исправно работало.

Еще в 1835 г., как только появилась первая работоспособная модель на основе револьвера Джона Пирсона, не теряя времени, Кольт отправился в Англию за получением патента, который был ему выдан в декабре 1835 г. Вернувшись в Америку, он и здесь получил патент в феврале 1836 г., а уже в марте основал свое производство в Патерсоне. В это время Кольту не исполнилось еще и 22 лет – первая модель поэтому называлась «Патерсон модель» и производилась с 1836 по 1842 г. Даже эта ранняя модель Кольта оказалась революционным изделием, хотя сам принцип револьверного оружия был известен еще с середины XVI в. Кроме того, Кольт ловко использовал мало тогда еще применявшуюся рекламу для сбыта своей продукции. Все это в сочетании с действительно удачной и надежной конструкцией, которая постоянно со-

вершенствовалась, обеспечило быстрый успех Самюэля Кольта.

Встреча Николая I и Кольта произошла в то время, когда развитие капсюльного варианта его оружия, особенно револьверов, достигало своего апогея.

Тарасюк в своем каталоге пишет, ссылаясь на биографию Кольта, опубликованную в 1866 г., через четыре года после его смерти (Кольт умер в 1862 г. в возрасте 48 лет), что результатом визита американского оружейника в Санкт-Петербург в 1854 г. была договоренность о поставке оборудования на Тульский оружейный завод, а русское правительство послало несколько офицеров в Северо-Американские Соединенные Штаты для уточнения деталей. Встреча Николая I с Кольтом вполне могла быть именно так интерпретирована биографами оружейника. Можно ли этому абсолютно доверять? В подтверждение этого могут служить документы из архива музея в Хартворде, утверждающие, что Российское правительство и Кольт подписали контракт в 1855 г. на поставку инструментов и оборудования на Тульский оружейный завод. Это, как пишет автор каталога выставки в музее Метрополитен, подтверждается появлением револьверов Кольта в русской армии и на флоте. Однако в документах отечественных архивов это не зафиксировано.

Специально занимаясь этой темой, авторы уверились как раз в обратном. Револьверы Кольта в русской армии не были официально приняты на вооружение. В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи действительно есть документы, свидетельствующие о заказе револьверов, но малосерийном, в количестве 300 штук (в другом варианте – 400 штук), и не у Кольта, а в Туле. Поводом для этого были вовсе не подарки Кольта, а скорее поднесенный Николаю I револьвер, сделанный браковщиком Тульского оружейного завода Иоганом Норманом. Именно этот револьвер и лег в основу заказа для Гвардейского флотского экипажа.

Присутствие на встрече Николая I и Кольта шефа жандармов А. Ф. Орлова и К. Несельроде говорит о возможности обсуждения некоторых секретных вопросов, которые могли и не отразиться в материа-

Самюэль Кольт в Санкт-Петербурге

лах американских архивов и биографии Кольта 1866 г. Присутствие на встрече Орлова, который вообще не имел отношения к перевооружению армии, весьма любопытно, но объяснимо: оба эти государственных деятеля могли обеспечить секретность проектов. Вспоминаются слова Тарасюка, что для современных биографов Кольта его пребывание в России остается белым пятном.

Надо признать, что и нам содержание беседы Николая I и Кольта в 1854 г. до сих пор точно не известно. Можно лишь предполагать, что во время этой встречи речь шла в т. ч. и о нелегальном импорте оружия Кольта в Россию в условиях Крымской войны.

Действительно, известен случай, когда в перевозимых из Антверпена в Санкт-Петербург 145 тюках хлопка было обнаружено и конфисковано таможенней 3481 револьвер с пороховницами и капсюлями. В своей переписке с братом Джеймсом Самюэль Кольт указывает, что ему пришлось уплатить 100 000 долларов, чтобы замять этот скандал.

Три револьвера, подаренные Николаю I Кольтом в Санкт-Петербурге в 1854 г., были обычными наиболее распространенными серийными моделями – драгунской III, флотской и карманной, весь ряд оружия Кольта к этому времени был намного шире. От серийных они отличались только богатой декоративной нагрузкой, позолотой и золотой таушировкой, выполненной известным американским мастером Густавом Юнгом. Все револьверы были помещены в футляры с принадлежностями.

Драгунский револьвер, так называемая третья модель, начал производиться в 1851 г. и выпускался со стволом 44-го калибра (0,44 дюйма). Этот револьвер имел деревянный приставной приклад, который очень удобно, быстро и надежно крепился к рукояти, примерно за 4–5 секунд. Приклад превращал тяжелый седельный револьвер в легкий карабин с удобной эргономикой, который использовался в кавалерии. В экстренных случаях возможна была и стрельба без приклада.

Другой подарок Николаю I – так называемая флотская или поясная модель, которая стала необычайно популярной, в т. ч. и у обычных военных. Револьвер этой мо-

дели было удобно носить в кобуре на поясном ремне, т. к. весил он около 1200 г и имел 36-й калибр (0,36 дюйма), т. е. чуть более 9 мм. Примерно такой калибр и сейчас наиболее распространен в армейских пистолетах. Барабан флотской модели имел 6 камер для зарядов.

Напомним, что это были револьверы с отдельным заряданием камер барабана из пороховницы, затем досылались подствольным рычагом пули, а на брандтрубки из капсюльницы или пальцами надевался капсюль, т. к. патрон в современном о нем представлении находился еще в эмбриональном состоянии.

Все серийные образцы флотской модели на барабане имели выполненную гравировкой сцену морского сражения 1845 г., когда несколько техасских судов одержали победу над флотом мексиканцев.

Третий револьвер, поднесенный Кольтом Николаю I, – карманная модель 1849 г. тоже был серийным образцом. Карманным, правда, его можно назвать по американским представлениям о габаритах такого класса оружия. Фабрика Кольта выпускала и другую, более соответствующую названию «карманная» модель, в середине 1850-х гг., причем, достаточно мощную.

Все три револьвера практически одинаковы по конструкции и отличаются только декором, калибром, количеством зарядов и размерами.

Несмотря на кажущуюся нелепость формы рукоятей револьверов Кольта, на самом деле они удивительно эргономичны и идеально сидят в руке при работе с ударно-спусковым механизмом одиночного действия, т. е. когда для производства очередного выстрела надо предварительно взвести рукой курок, в котором обычно располагалась прорезь прицела.

Револьверы Кольта этого периода очень просты по конструкции, надежны, удобны в разборке и сборке для чистки. Для неполной разборки достаточно было надавить и оттянуть чеку под стволом, и револьвер легко разбирался с отсоединением ствола и барабана, т. к. у револьверов не было сплошной рамы, что, конечно, несколько ослабляло жесткость оружия.

Популярность этих и других более поздних револьверов фабрики Кольта

настолько велика, особенно в США, что многие, в т. ч. и европейские, фирмы до сих пор изготавливают точные рабочие копии, как капсюльные, так и «под» – уни-тарный металлический патрон с дымным и бездымным порохом.

Револьверам императора Николая I, подаренным Кольтом в 1854 г., не повезло. В 1930-е гг., во время так называемого по современной терминологии «обезопасивания оружия в музеях» из них были изъяты боевые пружины. Попытка Тарасюка впоследствии восстано-вить три пружины для этого оружия не увенчалась успехом. Пружины были из-готовлены и помещены в револьверы, но их усилие оказалось настолько велико, что взвести курки стало невозможно без порчи этого уникального оружия. Чтобы курки не болтались, эти пружины и сей-час находятся в револьверах.

Подобная участь постигла и другие экс-понаты Арсенала Эрмитажа, к счастью, не все. Отдельные детали даже были воз-вращены уже в 1950-е гг.

В течение многих лет подарки Кольта Николаю I хранились в Арсенале Царского Села, а затем вместе с другим оружием были переданы Эрмитажу в 1886 г. Посе-тителям Эрмитажа только один раз пред-ставилась возможность увидеть подарки Кольта Николаю I и более поздние – Алек-сандру II, когда в 1966 г. была организо-вана временная выставка из фондов «Старин-ные пистолеты и револьверы из собрания Эрмитажа». Больше в нашей стране они не выставлялись, а затем револьверы Кольта экспонировались в США. Кроме того, фо-тографии многих подарков Кольта, в т. ч. и Николаю I, опубликованы в упоминав-шемся альбоме Тарасюка «Старинное ог-нестрельное оружие...» в 1971 г.

Вторично Кольт посетил Санкт-Петер-бург в 1856 г. В июне этого года Кольт же-нился и сразу уехал в Европу для деловых встреч. Он присутствовал на коронации Александра II, и это пребывание Кольта в нашей стране было значительно более про-должительным. Биографы американского оружейника считают, что он пробыл в Рос-сии на этот раз несколько недель в августе и сентябре 1856 г. Однако и для них, и для наших историков подробности его второго визита до сих пор малоизвестны. Справед-ливо будет сказать, что этой проблемой у нас вообще никто даже не интересовался.

В то же время можно предположить, что такой энергичный, деловой и предприимчи-вый человек, каким был Кольт, вряд ли про-водил в России время даром. Он, как и в первый раз, наверняка делал все возмож-ное, чтобы либо наладить в России произ-водство своего оружия, либо добиться разрешения на крупные его поставки.

Пытаясь ответить в какой-то степе-ни на этот вопрос, вернемся в 1854 г.

Американские историки Кольта счи-тают, что после встречи с Николаем I Кольт возвратился в прекрасном на-строении, довольный заключением кон-тракта на поставку его оборудования на Тульский оружейный завод. Однако, на наш взгляд, Кольт желаемых результа-тов не добился.

Напомним, что содержание беседы Николая I и Кольта пока остается неизвес-тным. Не исключено, что какая-то дого-воренность была, но при этом надо учи-тывать все условия процесса, в ходе которого в России происходило любое но-вовведение или перевооружение стрелко-вым оружием, а они были очень жестки-ми. Не последнюю, если не первую, роль здесь играли финансовые вопросы.

Как уже отмечалось, в конце 1853 или начале 1854 г., т. е. еще до визита Коль-та, револьвер его конструкции уже был по-дарен Николаю I браковщиком Тульского оружейного завода И. Норманом. Этот ре-вольвер тоже хранится в коллекции Госу-дарственного Эрмитажа. Таким образом, император еще до визита Кольта был зна-ком с его оружием и, что особенно важ-но, с его практическими качествами.

В основе револьвера Нормана лежит драгунская модель Кольта с некоторыми изменениями. Приставной приклад револь-вера, в отличие от американского, не дере-вянный, а рамочный, обтянутый тонкой красной кожей, крепящийся на резьбе к верхней части рукояти. Револьвер богато декорирован. На барабане гравировкой изображен подвиг гренадера Коренного в битве под Лейпцигом, на других частях – спасение знамени Азовского полка после Аустерлицкого сражения, когда в плену ун-тер-офицер Старовойтов передает знамя полка рядовому Чайке. На колодке револь-вера изображены казак и башкир с луком.

Николай I выразил свою благодар-ность оружейнику, изготовившему револь-вер, и наградил 100 р. серебра.

Самюэль Кольт в Санкт-Петербурге

Тульский оружейник не оставил своего имени на револьвере, но стиль исполнения и декора, а также инициалы «И. Н.» говорят, скорее всего, об авторстве именно Иогана Нормана. Такое клеймо он ставил на своем оружии. Однако главное не в этом: револьвер уникален тем, что из всей коллекции оружия Арсенала Эрмитажа он является единственным экспонатом, результаты испытаний стрельбой которого дошли до нас. Вероятно, это неслучайно. Надо было продемонстрировать императору, на что способны тульские оружейники, а результаты были более чем впечатляющие, учитывая даже сравнение их с баллистическими данными современных самозарядных пистолетов и револьверов. Кольт мог стать серьезным конкурентом для Тулы. В том случае, если бы револьвер понравился Николаю I, Тульскому заводу мог быть сделан большой заказ.

Все металлические части этого капсюльного револьвера, подаренного Норманом Николаю I за несколько месяцев до визита Колта, покрыты оксидировкой темно-синего и серого цвета с позолоченным рисунком. Калибр револьвера 45-й (0,45 дюйма прим. 11,43 мм). Ствол имел шесть нарезов, идущих слева направо и делающих 1,5 оборота, барабан состоял из шести зарядов. Этот подарок Николаю I отличается от драгунской модели Колта формой и углом наклона рукояти, а также спусковой скобой со «шпорой» (дополнительным упором для пальца). Кроме того, в отличие от американского, револьвер имеет пена́л в нижнем срезе рукояти для принадлежностей, который закрывается вращающейся крышкой, несущей также декоративную нагрузку. При стрельбе с одной руки тульский «кольт» проигрывал американскому в удобстве удержания, но присоединенный приклад сводил к минимуму этот недостаток. Свой револьвер И. Норман снабдил откидным прицелом для стрельбы на 50 шагов (постоянный), а в откинутом положении – на 100, 200, 300 и 400 шагов!⁶

После того, как в апреле 1854 г. револьвер был подарен Николаю I, сразу прошли испытания оружия стрельбой на полигоне Стрелковой офицерской школы – фактически высшей аттестацион-

ной инстанции. Стрельба велась по деревянной мишени со стороны квадрата два метра на все расстояния, которые позволял прицел, что в переводе на метры соответствует примерно 37,5 м, 150 м, 225 м и 300 м! С каждой из этих дистанций было сделано по 18 выстрелов, а с расстояния 300 метров – 28 выстрелов.

На расстоянии 37,5 м все пули попали в мишень, и радиус круга, вмещающий лучшую половину пуль (попаданий), составил 18,3 см, на расстоянии 75 м этот радиус увеличился, но незначительно – 18,7 см, на расстоянии 150 м в мишень из 18 попало 12 пуль, а радиус лучших попаданий составил 36,8 см. На расстоянии 225 м в мишень из 16 попало тоже 12 пуль, а уже указанный ранее радиус составил 52 см. Наконец, на самой большой дистанции, 300 м, в мишень из 28 попало 14, а радиус лучших попаданий составил 71,7 см. Пробивная способность не указана, но, исходя из хорошей кучности (меткости) стрельбы, она была тоже высока.

Документ об испытаниях револьвера подписан начальником Стрелковой офицерской школы полковником Ванновским и его помощником Теннером. Револьвер Нормана, сделанный по образцу Колта, показал результаты очень высокие даже по сегодняшним меркам.

Испытания отмечали, однако, на фоне общей положительной оценки, сильную отдачу, естественную при мощном заряде и тонком прикладе, а также падения рамки приклада при выстреле, что было устранено в ходе этих же испытаний. Кроме того, после 18–20 выстрелов поворот барабана становился затруднительным из-за нагара, но и это быстро устранялось чисткой оружия.

После столь успешных испытаний Николай I приказал изготовить 400 револьверов аналогичной конструкции на Тульском оружейном заводе для гвардейского флотского экипажа, но, разумеется, без декора. Подчеркнем еще раз, что все это произошло еще до встречи Николая I и Колта и не могло не повлиять на результаты визита американского полковника. Кроме того, это было свое, отечественное производство, которое не зависело от возможных изменений во внешней политике. С дру-

В. В. Мавродин, Ю. Г. Ефимов

гой стороны, технологически Тула, конечно, уступала кольтовскому производству.

К 1 января 1855 г. заказ в Туле был выполнен⁷.

Вскоре после начала производства револьверов в Туле генерал-адъютант А. П. Безак сообщил военному министру князю В. А. Долгорукову, что генерал-лейтенант Н. С. Голицын прислал в Петербург один образец револьвера Кольта, предлагаемый для продажи.

Примерно в это же время, в ноябре 1854 г. генерал-майор Глинка осматривал револьверы кольтовского образца американского и тульского производства. По его мнению, американские револьверы были лучше качеством, но по баллистическим характеристикам обе модели были примерно одинаковы⁸.

После этого тульскому заводу был сделан еще один заказ на партию револьверов системы Кольта, на этот раз для офицеров стрелкового полка, но это не решало вопроса полного перевооружения револьверами офицерского корпуса и кавалерии русской армии.

Таким образом, Николай I еще до визита Кольта в Санкт-Петербург хорошо был знаком с револьверами его системы, но масштабы производства их в России были невелики, и возможности наращивать их практически не было. Вот почему, зная о машинном производстве револьверов Кольта при взаимозаменяемости частей, Николай I «срочно» выехал из Гатчины на один день для встречи со знаменитым американским предпринимателем. Перспективы переговоров могли выглядеть весьма заманчиво и американскими биографами Кольта именно так и рассматривались.

Николай I был доволен подарками Кольта, а возможно, и его рискованными предложениями. Монаршее удовлетворение было выражено в документах, озаглавленных «О подношении двух колец с бриллиантами с монограммой от имени Его Величества гражданам США полковнику С. Кольту и Диккерсону, который прибыл с ним». Кольцо, подаренное Кольту, оценивалось в 784 р., Диккерсону – 574 р. Судя по всему, Эдвард Диккерсон играл активную роль при Самюэле Кольте.

Американские гости оставались в Санкт-Петербурге до 9 (21) ноября 1854 г.,

уточняя какие-то детали. Кроме того, нужно было подготовить русского офицера, который должен был уехать с американцами из России под видом слуги Кольта.

Уехал ли с Кольтом русский офицер, и кто должен был сыграть эту роль, мы пока не знаем.

Однако любое перевооружение и обновление оборудования стоит очень больших денег, и именно деньги определяли качество оружия в стране с большой армией. Судьбу оружия часто при многотысячном производстве определяли полкопейки.

Появление Кольта в Петербурге и заключение с ним контракта могло обернуться большими затратами, с одной стороны, а с другой, это был очень серьезный конкурент для наших оружейных заводов. Вот эти-то, подчас, противоположные, течения и столкнулись в России накануне, во время и после первого визита американского гостя в Санкт-Петербург.

Можно предположить, что встреча Кольта с Николаем I была инициирована самим оружейником в чисто рекламных целях. Прекрасной визитной карточкой, конечно, должны были послужить и три роскошно орнаментированных, но в то же время серийных револьвера, иллюстрирующие возможности оборудования Кольта.

Эти револьверы, конечно, произвели впечатление на такого знатока и любителя оружия, каким был Николай I: после встречи он даже взял их с собой в Гатчину. Позже, когда император вернулся в свою зимнюю резиденцию, он вновь взял эти подарки с собой.

За сохранность этих револьверов и другого оружия в Зимнем дворце отвечал Флориан Жиль. Через несколько лет после смерти Николая I, когда личное оружие императора было передано в Царское Село, Жиль написал, что эти три револьвера были подарены Николаю I в Гатчине в 1854 г. Жиль ошибался: он знал о визите Кольта, но подробности ему, вероятно, не были известны.

Кольт побывал в России и третий раз. Отвечая на уже появившиеся и будущие вопросы, следует заметить, что документов о трехразовом пребывании Кольта крайне мало, практически их почти нет, не сохранились они и в фонде

Сестрорецкого оружейного завода. Отсутствуют и сведения, с кем встречался Кольт во время второго и третьего визита, а они были более продолжительны. В то же время сомнительно, что такой энергичный предприниматель не посетил оружейный завод в нескольких верстах от Санкт-Петербурга. Возможно, необходимые документы еще не найдены или, к сожалению, утрачены. В 1970–1971 гг. чувствовалось, что с недостатком материала столкнулся и Тарасюк. Вспоминаются его слова: «Ну не мог же такой человек, как Кольт, так мало „наследить“?!»

Если об испытаниях оружия Кольта в конце 1850-х гг. имеется очень много материалов, как в архивах, так и в периодической печати, то о его встречах, переговорах – практически ничего. Не исключено, что, при расширении круга поисков материалов о трех визитах Кольта в Петербург, эта тема обрастет многими подробностями и любопытными деталями

Уже сейчас можно утверждать, что во время своего первого визита Кольт желаемого результата не добился, и об этом свидетельствует его второй приезд в Санкт-Петербург в 1856 г. В июле этого года Кольт женился, и его свадебное путешествие в Россию планировалось не только как увеселительное, но и как деловое.

Ссылаясь на биографов Кольта, в своем каталоге Тарасюк пишет, что во время торжеств, сопровождавших коронацию Александра II, была даже организована вечеринка 8 сентября 1856 г. специально для оружейников, на которой был и Кольт. Второй визит Кольта продолжался, в отличие от первого, несколько недель в августе–сентябре 1856 г. В то же время Тарасюк говорит о том, что нет никаких ни материальных (т. е. подарков), ни письменных свидетельств о том, что у Кольта в это время были встречи на высоком, официальном уровне. Этот визит не оставил таких выдающихся свидетельств, как его приезд в 1854 г.

Однако именно со временем второго визита связаны многочисленные материалы (особенно, архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВВС) – богатого документами по интересующей нас

тематике), свидетельствующие об интенсивных испытаниях оружия Кольта с очень серьезными намерениями. В это же время и несколькими годами позднее в периодических изданиях («Оружейный сборник», «Артиллерийский журнал» и др.) публикуется много статей, материалов дискуссий, переписок с обсуждениями результатов испытаний оружия Кольта, а также о его штучном (коммерческом) и малосерийном производстве в Туле, Ижевске и Гельсингфорсе.

Тем не менее, до 1858 г. отношения Кольта с Военным министерством были все-таки весьма неконкретными. Масштаб и интенсивность хода дел не удовлетворяли этого нервного, энергичного и, как говорят о нем американские историки Кольта, «restless» (неутомимого. – *Ред.*) человека. Причиной этого была не пресловутая русская волокита и рутинность, как часто пишут. Дело в том, что в России традиционно предъявлялись завышенные требования к **армейскому** оружию: оно иногда испытывалось в таких тяжелых условиях, которые даже в реальной боевой обстановке вряд ли бы сложились. Для армейского оружия главным была дешевизна, возможность производства в России, легкость в освоении нового оружия солдатом и надежность. А вот какое и какого качества выпускалось **коммерческое** оружие, Военное министерство интересовало мало.

Громадный успех Кольта в США и Западной Европе заслонил для полковника эти детали российской действительности. Он, видимо, искренне не мог понять, почему то, что удовлетворяло на Западе, подвергалось сомнениям в России и его оружие продолжали испытывать вновь и вновь.

Видно смутно он представлял и финансовые трудности, которых так боялись все те, кто занимался вопросами перевооружения русской армии в т. ч. и после Крымской войны. Д. А. Милютин, военный министр Александра II, постоянно отмечал недостаток средств, в т. ч. отпускаемых на перевооружение. «Ружейная драма», как назвал он эту ситуацию в целом, и не только от скудости финансов, уже должна была вот-вот начаться.

Неудержимая энергия американского предпринимателя-оружейника вновь,

в третий раз привела Кольта в Санкт-Петербург в 1858 г. На этот раз он приехал с целым набором подарков как для императора Александра II, так и для его братьев.

В 1858 г. у Кольта, видимо, не было возможности лично встретиться с императором. Нигде не говорится о том, что этот многочисленный набор (более 14 револьверов и револьверных винтовок с принадлежностями) был передан Кольтом лично Александру II. Камер-фурьерский журнал тоже не фиксирует их встречу.

Александр II оставался в Санкт-Петербурге до 10 августа 1858 г., а потом отправился в длительное путешествие по России. Очевидно, Кольт преподнес свои подарки в отсутствие императора. Только после возвращения в столицу Александр II дает распоряжение наградить Кольта золотой табакеркой с бриллиантами и своим вензелем. На внутренней стороне крышки табакерки была надпись по-русски: «Отъ Александра II Императора Всероссийского полковнику Кольту». Она была послана в САСШ с письмом от министра Императорского двора В. Ф. Адлерберга, выражающего свою признательность за подарки императору и великим князьям.

Александр II так же, как и отец, был коллекционером и знатоком оружия. При его жизни подарки Кольта хранились в Оружейном кабинете. Император отдавал должное практическим качествам револьверов Кольта и использовал два револьвера его конструкции для самообороны, однако эти револьверы были не из числа подарков Кольта. Среди личного оружия императора они появились в мае 1861 г. Где они были куплены – неизвестно (револьверы Кольта продавались во многих оружейных магазинах). Александр II выбрал драгунский револьвер (третья модель), тяжелый и мощный, и более изящную флотскую модель. Оба револьвера были стандартного образца. Обычно император брал их с собой в путешествия.

Подарки Кольта Александру II и его братьям включают револьверы драгунского, флотского и карманного серийных образцов, а также спортивные и армейские револьверные винтовки.

В комплект подарков самому Александру II входили: пятизарядная револь-

верная винтовка образца 1855 г., шестизарядная револьверная винтовка (т. н. «новая модель»), шестизарядный драгунский револьвер (третья модель) с приставным прикладом. Стальные части револьверов и винтовок, подаренных Александру II, покрыты воронением и гравированным растительным орнаментом. На стволах гравировкой сделана надпись: Adress Sam'L Colt New York city, на рамах и барабанах – Colt's Patent. Колодки револьверов и металлическая часть приставного приклада драгунского кольта покрыты позолотой и гравировкой. На всем оружии Александра II дарственная надпись: «To His Majesty Alexander 2-d Emperor of all the Russians. From the inventor Col. Colt» («Его Величеству императору Всероссийскому Александру II. От изобретателя полк. Кольта»). Естественно, что все оружие императора и великих князей было снабжено аксессуарами – пороховницами, пулелейками, капсюльницами и находилось в специальных деревянных коробках, оклеенных внутри бархатом.

В течение правления Александра II подарки Кольта хранились в застекленном шкафу Арсенальной комнаты Зимнего дворца. В составленный в сентябре 1881 г. инвентарь этой коллекции вошли и эти четыре предмета, а также маленький карманный, но мощный пятизарядный револьвер Кольта как один набор. В этом же году часть Арсенальной комнаты была перевезена в Царское Село (в Царскосельский арсенал), однако в 1885–1886 гг. вернулась обратно.

Три других набора, подаренных братьям Александра II, состояли из таких же примерно наборов оружия и отличались только тем, что вместо позолоты на рамках рукоятей и колодок револьверов имели серебрение.

У императора Александра II было три брата: Константин Николаевич (1827–1892) с 1855 г. – управляющий Морским министерством; Михаил Николаевич (1832–1909) и Николай Николаевич (1831–1891).

Если судить по дарственным надписям на оружии, необходимо отметить, что набора подарков оружия Николаю Николаевичу в коллекции Арсенала Эрмитажа нет. Представляется маловероятным, что-

Самюэль Кольт в Санкт-Петербурге

бы такой деловой человек как Кольт, третий раз приезжавший в Санкт-Петербург, знакомый с царской семьей, мог забыть, что у Александра II, кроме Константина и Михаила, есть еще один брат – Николай, при том, что все три брата Александра II занимали посты, которые имели возможность способствовать успеху американского оружейника во время этого визита.

Тарасюк предполагает, что этот набор был утрачен либо во время событий 1917 г., либо в связи с распродажей в 20–30-е гг. XX в. предметов искусства и оружия из дворцов и музеев.

При всей схожести наборов Александру II и его братьям, все-таки заметны некоторые отличия и в конструктивном плане, и в оттенках серебрения рамок рукоятей. Так, например, в револьвере (музейный номер Эрмитажа З.0.249) надпись отсутствует, но утрачено и серебрение на месте посвянительной надписи. Надпись явно стерта, но не до конца и еле заметно только имя «Michel». Зачем это было сделано?

Возможно, отсутствие набора для Николая Николаевича объясняется и другими причинами. Тарасюк не исключал, что Кольт допустил все-таки какую-то оплошность в персональных посвянительных надписях, а затем исправлял ее уже в Санкт-Петербурге в спешном порядке. Однако все это лишь предположения.

Есть некоторые различия и в другом. Так, например, армейские винтовки с музейными номерами З.0.5608 и З.0.5242 одной модели не идентичны винтовке той же модели под номером З.0.559, которая имеет характерные особенности спортивной модели. Кроме того, только приставной приклад драгунского револьвера Константина Николаевича (З.0.689) имеет подщечник, который на других отсутствует.

В наборы Михаила и Константина Николаевичей входят и карманные модели образца 1855 г., пятизарядные калибра 28 (0,28 дюйма) с боковым курком, в то же время в наборе Александра II такой модели нет. Скорее всего, причина этого, как и отсутствие подарков Николаю Николаевичу, – утраты, о вероятных причинах которых уже говорилось выше.

Итак, в 1858 г. полковник Самюэль Кольт последний раз посетил Санкт-Петербург. Несмотря на свою колоссальную энергию, умение размещать выгодные заказы,

поставлять оборудование для производства своего оружия, принимаемый с таким почетом в Петербурге на высочайшем уровне, желаемого успеха Кольт не добился. Кольту надо было платить деньги в случае подписания крупного контракта и деньги очень большие.

Однако в архиве ВИМАИВВС есть документы, которые свидетельствуют о том, что контракт на поставку небольшой партии оружия был все-таки подписан. Речь идет не о том оружии, которое, как говорилось выше, было конфисковано на таможне, а о послевоенных ограниченных поставках.

Странно то, что эти документы, подтверждают плохое качество оружия. К тому же они отмечают его сильную изношенность. То ли какие-то посредники подвели Кольта, то ли он просто разозлился после трех неудачных попыток снабжать Россию своим оружием. Возможно, это было и сознательным искажением информации о качестве присланного оружия.

В России всегда при поставках оружия добивались сочетания дешевизны, надежности и максимальной простоты, в расчете на «грубые пальцы солдата», а револьверное оружие Кольта было сравнительно сложным в обращении и обслуживании. Это в большей степени касалось револьверных винтовок, а не револьверов для офицеров. Револьверы были предельно просты в их использовании.

Кроме того, в год второго визита Кольта в Санкт-Петербург в России уже была принята на вооружение винтовка образца 1856 г. очень хорошего качества, и на это шли финансы.

Что касается револьверов Кольта, то принять их на вооружение всего офицерского корпуса просто не решались, сомневаясь, что затраты на перевооружение будут соответствовать перспективности оружия, хотя револьверы Кольта в США доказали свою эффективность. Однако всерьез этот опыт в России очень долго не воспринимался.

Мы позволим высказать и другие причины, по которым Кольт трижды с невероятной для него настойчивостью фактически пытался внедрить свое оружие в России, стремясь повлиять в Санкт-Петербурге на самые высокие инстанции, вплоть до императоров. Визиты и 1854, 1856 и 1858 гг. фактически даже в

малой степени не могли удовлетворить Самюэля Кольта. Почему так произошло?

Действительно, револьверы Кольта в указанные годы достигли пика своей популярности, но его патент заканчивался в США в 1857 г., т. е. за год до второго визита в Санкт-Петербург. Еще раньше, в 1849 г., истек срок его патента в Англии, и сразу у него появился удачный конкурент Р. Адамс. Его револьверы и револьверы Кольта применялись англичанами в Крыму.

Однако еще более серьезным для будущего фабрики Кольта и сбыта его капсюльных револьверов был патент Роллина Уайта, взятый в США 3 апреля 1855 г. В конструкции Уайта использовался барабан не с капсюльным прицелом, а со сквозными камерами, т. е. под унитарный металлический патрон, и вот ему то и принадлежало будущее, т. к. такое оружие можно было значительно быстрее перезарядить. Этот патент был приобретен Гораксом Смитом и Даниэлем Байярдом Вессоном. Револьверы с унитарным патроном были дешевле, мощнее и точнее. Компания «Смит-Вессон» стала единственным крупным производителем револьверов с унитарным патроном и из-за большого спроса, которыми они пользовались, даже отставала с поставками на два года.

Кольту, конечно, было известно о патенте Уайта. Мы уверены, что и в России этот новый принцип заряжения тоже был известен: Главное артиллерийское управление и его комиссии испытывали все новое, что появлялось в Западной Европе и Америке.

Вот чем, очевидно, можно объяснить невероятную настойчивость Кольта, которую он проявил в Санкт-Петербурге, с одной стороны, и осторожную прохладность тех, кто испытывал его оружие и от кого зависела судьба любого оружия, в т. ч. и Кольта, с другой. Учитывалась при этом и перспективность оружия, а револьверы Кольта были уже на пороге устаревания.

Срок действия патента Уайта истек в 1869 г., через семь лет после смерти Кольта, но его компания сохранилась, и ее сотрудники дали миру один из самых известных револьверов под унитарный патрон – армейский револьвер

1872–1873 гг. – Писмейкер, превратившийся во вторую легенду XIX в. и производившийся до 1940 г. Через 15 лет по просьбам покупателей его производство восстановили, и этот револьвер делают до сих пор.

Настоящее же сотрудничество России и фабрики Кольта началось уже после его смерти, когда в ходе военных реформ Александра II шло перевооружение русской армии казнозарядным оружием. Официально револьверы Кольта были приняты только на вооружение конвойных команд и некоторых упомянутых выше частей, но рекомендованы к покупке офицерам. Однако, в каком количестве поступали в продажу револьверы Кольта, сказать трудно.

Один из таких револьверов хранится в Арсенале Государственного Эрмитажа (номер 3.0.5228). По габаритам он представляет нечто среднее между драгунской и флотской моделью, помещен в коробку, оклеенную зеленым сукном, с пулелейкой на две пули – круглую и сферическую. В коробке с сургучной печатью находится свидетельство о качестве и цене – 25 р. серебром. Ствол револьвера не нарезной. Можно с большой долей уверенности предположить, что последнее вызвало бы немалое удивление американского полковника. Поэтому пулелейка рассчитана и на круглую пулю, и на сферическую. Судя по картонной вставке в футляре, револьвер был изготовлен в 1854 г. в Туле в Образцовой мастерской, заведующим которой был Николай Захава.

Воистину, слава Кольта бежала впереди него.

Много позднее, уже в начале XX в., самозарядные пистолеты фабрики Кольта тоже рекомендовались для покупки офицерам, но и они официально не были штатным оружием.

В Арсенале Эрмитажа есть еще один револьвер С. Кольта, не входивший в число подарков 1854 и 1858 гг. Это одна из ранних моделей, теперь редко встречающаяся в коллекциях музеев, т. н. «Кольт Патерсон модель Техас», которая начала выпускаться в Патерсоне с 1836 по 1842 г. Видимо этот револьвер был привезен русскими офицерами, посетившими фабрику незадолго до ее банкротства, которое произошло в 1842 г. Все ее оборудование

Самюэль Кольт в Санкт-Петербурге

и нереализованное оружие было продано за 6200 долларов.

Кольт потерпел полное банкротство, но военные события в Техасе потребовали нового оружия.

С этой целью капитан рейнджеров Самюэль Уолкер по приказу генерала Тейлера начал переговоры с Кольтем о поставках его револьверов. В январе 1847 г. был сделан первый заказ на тысячу револьверов, а в ноябре того же года – еще один на такое же количество. Так как у Колта в это время уже не было своего производства, он обратился к оружейному фабриканту Эли Уитнею в городе Уитней-Уил (штат Коннектикут). Здесь Кольт и налазил производство своего револьвера, названного в честь капитана рейнджеров – «Уолкер Пистол». Это мощное оружие активно применялось в боях.

Затем Кольт приехал в родной город Хартворд в том же Коннектикуте и в 1848 г. открыл там свою фирму.

Успех Колта в США заключался еще и в том, что он не только выполнял крупные военные заказы, но стремился обеспечить своими револьверами граждан, производя широкий спектр оружия, которое различалось калибром, весом и длиной.

В 1849 г. произошло событие, сделавшее револьверы Колта еще более популярными. Тысячи людей хлынули добывать калифорнийское золото. Все они нуждались в оружии, и Кольт создает новые модели. Так, только одной лишь шестизарядной карманной модели 31-го калибра, получившей огромное распространение, между 1849 и 1875 г. было изготовлено 330 тыс. штук⁹. Другой очень популярной была флотская модель 1851 г.

До середины XIX в. Россия была мало знакома американцам. Самюэль Кольт был одним из первых граждан Амери-

ки, который начал вести дела с Россией, и его три визита в Санкт-Петербург сами по себе стали большим событием и заслуживают внимания. Он заложил основы контактов на самом высоком уровне и дал возможность использовать свой опыт и знания в области оружейной промышленности.

Прошло уже 160 лет со времени появления классических револьверов Колта, но до сих пор они являются исключительно элегантным оружием, с безупречной эстетикой, высокими боевыми качествами, которые всегда будут поддерживать их притягательный блеск.

Примечания

¹ **Тарасюк Л. И.** Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. – Л., 1971. – Ил. 472, 473, 476-482, 484-491; с. 203-208.

² The «Russian Colts». From Colonel Samuel Colt to The Russian Imperial Court. – New-York, 1979. – P. 2-31.

³ **Горлов А. П.** О повторительном огнестрельном оружии или револьверах // Артиллер. журн. – 1855. – № 5; **Он же.** О повторительном огнестрельном оружии // Мор. сб. – 1856. – № 2; Оружейн. сб. – 1869. – № 4; 1863. – № 3.

⁴ РГИА. Оп. 516, оп. 1 (внутр. оп. 34/1625), д. 33; Камер-фурьерский журн. 1854 г. Л. 165; д. 165. 1854 г. Л. 514 об.; д. 344. Л. 64 об.

⁵ **Тарасюк Л. И.** Указ. соч. – Ил. 479-481; с. 204-205.

⁶ **Мавродин В. В.** Револьвер для императора // Ружье. – СПб., 1999. – № 1. – С. 56-59; Он же. Tula Fine weapon. – Л., 1977.

⁷ Арх. ВИМАИВВС. Оп. 3, ф. Артиллер. деп. Воен. м-ва, оп. 5/9, д. 378. Л. 1-8, 22, 23, 28, 33, 41, 41 об., 58.

⁸ Там же. Ф. 5. Штаб генерал-фальдцейхмейстера, оп. 12, д. 187. Л. 353, 355, 356, 444; д. 189. Л. 416, 418.

⁹ **Шокарев Ю.** О Кольте // Мастер-ружье. – 1996. – №3/4. – С. 40-46.